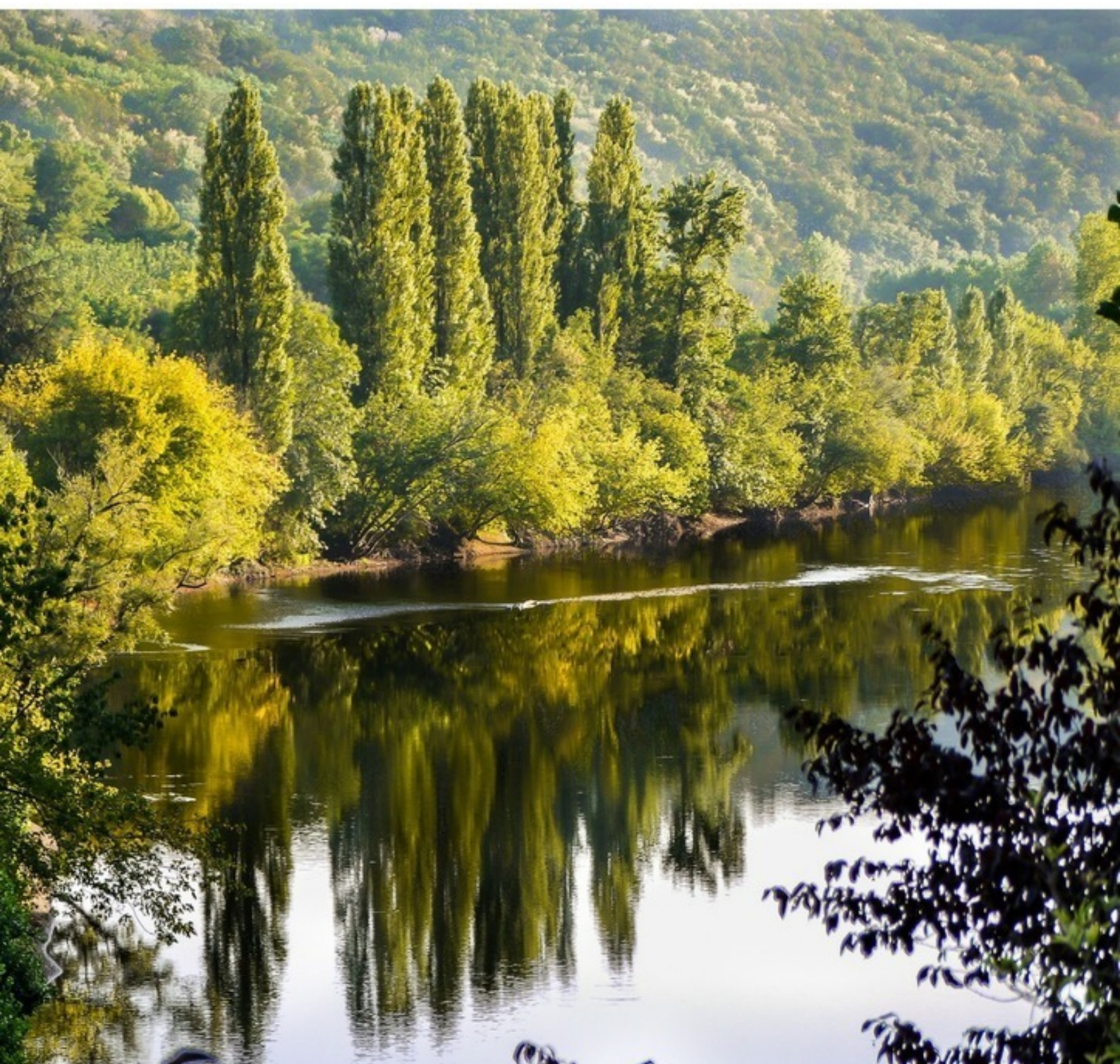

Виктор Старовойтов
Вера Архиреева
Марина Оленева

Моя счастливая жизнь

Проза и стихи трёх авторов Добрянского района
Пермского края

Виктор Старовойтов

**Моя счастливая жизнь. Проза
и стихи трёх авторов Добрянского
района Пермского края**

«Издательские решения»

Старовойтов В. А.

Моя счастливая жизнь. Проза и стихи трёх авторов Добрянского района Пермского края / В. А. Старовойтов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748965-6

Я поистине счастлив, что работаю с этими тремя женщинами. Книга является сборником рассказов и стихов о любви и просто о жизни. Виктор Старовойтов

ISBN 978-5-44-748965-6

© Старовойтов В. А.
© Издательские решения

Содержание

О перестройке	6
Змея	8
Не было бы счастья...	9
Хитрый дед	11
Расправа	13
Ведьма	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Моя счастливая жизнь
Проза и стихи трёх авторов
Добрянского района Пермского края
Виктор Андреевич Старовойтов
Вера Павловна Архиреева
Марина Оленева

© Виктор Андреевич Старовойтов, 2016

© Вера Павловна Архиреева, 2016

© Марина Оленева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я счастлив, что судьба свела меня с замечательными женщинами. После тяжёлой болезни несколько лет назад скончалась моя жена, Анна Старовойтова, я написал об этом в Пенсионерскую правду, с которой контактировал в течении нескольких лет. Многие женщины откликнулись на мою беду, но лишь одна сумела найти отклик в сердце – Вера Архиреева, теперь она моя жена и помощник. В этом году нам довелось побывать на благотворительном концерте инвалидов города Добрянки, талантливый, задорный коллектив. В выступлении участвовала поэтесса и солистка танцевального коллектива «Ред Мен» Оленева Марина. Пишет стихи, прозу, активна в жизни. После концерта я вышел на её сайт, подружился, теперь сотрудничаем, хотя её стихи заслуживают большего внимания.

С уважением В. Старовойтов.

О перестройке

Думал ли господин М. Горбачёв к чему может привести Новая перестройка в великой империи СССР, когда подписывал документы в Беловежской пуще о выходе ряда стран из состава СССР? Похоже, что нет. Иначе не произошло бы полного развала империи. Некогда великая и сильная страна разделилась на множество мелких удельных княжеств под общим названием Союза независимых государств. Как такового, союза тоже не произошло, потому что начался раздел имущества бывшего СССР и каждая республика постаралась урвать от общего пирога наиболее лакомый кусочек. Вроде бы и обижаться особенно не на что было, но нашлись и такие, которым показалось мало. Вот, хотя бы, к примеру, взять Украину! На что только не идут руководители этой страны, лишь бы ещё хоть что-то урвать от России...

Десятилетняя война в Афганистане, в Чеченской республике и других горячих точках. Сколько жизней унесли войны! К тому же новаторы Новой перестройки рьяно взялись за внутреннее переустройство России по старой привычке: – Мы наш, мы новый мир построим. До основания старый мир порушим... – Да, рушить мы умеем, только вот со строительством нового мира что-то вышла промашка. В первую очередь решили установить норму ребления населением продуктов питания и распития спиртных напитков, показалось что население много ест и много пьёт. Увы, к желанному результату это не привело, количество потребления продуктов и питья не уменьшилось, а наоборот увеличилось за счёт роста подпольных синдикатов и «дружеской» помощи зарубежных братьев. Помните американский спирт, китайские томаты и т.п.? А сколько было «Челночников», что огромными баулами тащили из-за рубежа всё, что можно было закупить там по дешёвке, а здесь продать подороже... В тар-тарары провалилось нормирование питания населения, – придумали приХватизацию. Выпустили ваучеры в свет Божий, началось массовое раздаривание государственного имущества новоявленным акционерам. Закрывались заводы, фабрики, ликвидировались колхозы и совхозы, разваливались госучреждения. Люди кинулись скупать акции различных акционерных обществ, но все эти ООО существовали недолго и акционеры оставались ни с чем. Верхушки наживались, становились миллионерами, а большинство людей остались на старом уровне. Директорат различных фондов наживался, ездил по заграницам, вкладывал деньги в офшоры, а люди годами ждали, когда же им будут платить за вложенные в дело акции хоть какие-то дивиденды. Увы, как всегда, обмануты... И будут ли возвращать людям долги, неизвестно. В связи с ликвидацией предприятий и учреждений множество людей остались безработными. Государственное имущество стало бесхозным, значит, доступным. Растаскивали по домам всё, что плохо лежало. Государство самоустранилось от контроля и власти, бери, что хочешь. И началось! За рубежом не стелясь берут всё, а в России бесхозное... За бесценок пошли за границу чёрные и цветные металлы, алмазы и золото, нефть и газ, лес и другие природные богатства. Зато обратно возвращалось готовой продукцией, но уже по цене международной валюты. Богатая ресурсами Россия и самый нищий народ. Парадоксально, но факт налицо. Наряду с этим неумержимый, искусственно наращиваемый рост инфляции. Народ обнищал настолько, что в магазины заходит только затем, чтобы поглазеть на цены, а не купить товар. Стремилась к коммунизму, пришли непонятно к чему. Если у нас капитализм, то где же рост фабрик и заводов? Вместо этого торговые точки растут как грибы, вместе с ними растут непомерно и цены, абсолютно на всё: продукты питания, одежду и обувь, горюче-смазочные материалы. Существует депутатский корпус, но все депутаты до своих Выборов помнят о людях, как о скоте, которому можно наобещать с три короба, лишь бы оставил свой голос за него, а выбрали, так можно и забыть. На первый план выходит борьба за своё благосостояние и наплевать ему, что рядовой пенсионер получает десять тысяч, которых еле-еле хватает на прожиточный минимум. Я не говорю уже о лекарствах, что жизненно необходимы порой и на которые уходит более

половины пенсии. А тут ещё ежегодный рост цен на жилищнокоммунальное обслуживание, электроэнергию и газ. Если в городах человечество живёт ещё в постройках Советского периода и которые ещё ремонтируются, опять же за счёт жильцов, то в деревнях состояние жилья очень плачевное. Строительные материалы по ценам недоступны простому работяге, кредиты банков разорительны и похоже, что скоро коренные жители деревень вынуждены будут рыть землянки. Повсеместно в деревнях закрываются фельдшерско-акушерские пункты, штат больниц сокращается и теперь уже, чтобы попасть к врачу-специалисту, надо ждать очередности или ехать в областной центр. Администрации существуют формально, за пропиской, постановкой на воинский учёт, регистрацией гражданских актов надо ехать в райцентр. И почему-то никто не думает о стариках и инвалидах. Погоня за деньгой привела к тому, что обесцениваются семейные ценности, отношение к отцу и матери, их заслугам. Редко кто из детей знает, кем были их родители, деды до их рождения. Этому способствует и реформа школы, дети отучаются читать, грамотно писать, да и просто думать. Недавно на Прямой линии с президентом одна деревенская девушка поинтересовалась о своей дальнейшей судьбе после окончания школы, на что президент ответил, что счастье и судьбу надо делать своими руками. Увы, редко кому везёт в нашем мире. Обычно, закончив школу, поступают дети в учебные заведения, приобретают специальность и становятся безработными. Никто и нигде их не ждёт и не радуется новому специалисту. Отсюда пьянство, наркомания, проституция. Невольно вспомнишь товарища Сталина И. В., ведь удалось же ему в трудное послевоенное время преодолеть и остановить рост инфляции, почему же нынешним руководителям это не удаётся? И до каких пор будем дарить наши ресурсы (как человеческие, так и природные) зарубежным партнёрам? Дадут ли россиянам пожить по-человечески? Кто вернёт деньги за акции? Вопросов много, ответов нет. Жить стало легче, жить стало веселей, шея стала тоньше, но зато длинней... А деревни, что ж, бульдозером их, бульдозером, пусть поля зарастут бурьяном и лесом, на их месте построим дачки, будем растить лучок на закуску и гнать самогон. Заживём, братцы! Весело, не скучно...

Змея

Отец Натальи Кротовой был военным, служил на границе. Женился на встреченной в С.-Петербурге девушке однокласснице по школе, когда приезжал в очередной отпуск, увёз жену с собой. Прошло несколько лет, дочери Наташе исполнилось четырнадцать лет, когда началась война с фашистами. Отец и мама были на дежурстве, мама работала хирургом в госпитале. Судьба их для Наташи осталась неизвестной. Из части прибежал пограничник, сказал, что часть разбита, повсюду немцы и надо спасаться, уходить в лес. Вместе с другими женщинами, детьми и оставшимися бойцами ушли в ближайший лес. К имевшемуся оружию не было даже патронов. Пробирались по лесу, боясь каждого шороха, треска сучьев под ногами. Грудные дети и те не плакали, будто понимая всю сложность выпавшей на долю людей судьбы. Мужчины выходили к дорогам, промышляли у зазевавшихся фашистов оружие, боеприпасы и питание. Некоторые женщины, имевшие грудничков, оставались во встречных посёлках под видом родственников местных жителей, другие продвигались вместе с небольшим отрядом в глубь Советского Союза, вслед за немцами, которые намного опережали отрядик, имея в своём распоряжении дороги и транспорт. Отряд был хотя и небольшим, но довольно подвижным и по возможности наносил по врагу ощутимые удары; расстреливали отставшие небольшие отрядики, взрывали мосты и железные дороги, минировали. Наташа быстро освоила премудрости медицинской сестры и стала в отряде незаменимой. По мере продвижения отряд пополнялся бойцами Красной Армии, становился полноценной боевой единицей, наносил ощутимый удар по врагу. Фашисты тоже не оставались в долгу, иногда по несколько недель приходилось уходить от преследований. Однажды вечером объявили привал до утра. Несколько суток люди шли без сна и отдыха, естественно, все попадали тут же, даже не разжигая костров, выбрав места под ёлками, где было посуше. Наташа тоже моментально заснула. А наутро глаза приоткрыла и от ужаса чуть не заорала. На груди, чуть ли не касаясь подбородка, лежала огромная змея, тёмного цвета с переливами и узорами, очень красивая... Головкой туда-сюда водит, язычком раздвоенным дразнится. Замёрзла, видать, ночью, к человеку погреться полезла. Наталья лежит ни жива, ни мёртва. Сыворотки-противоядия в отряде не было, а умереть от укуса змеи не очень-то хотелось. Проснулись и бойцы, окружили Наталью, советуются, что делать. Змея словно почувствовала, что ей угрожают, свернулась клубочком, кругом поглядывает да посвистывает, уж очень ей не хочется уходить с тёплого местечка. И сколько бы ещё довелось Наташе пролежать, не двигаясь, не известно, только нашёлся среди солдатиков казах один. Шнурок от ботинка привязал к длинной палке, петельку сделал, осторожно подвёл к змее и накинул на неё, резко дёрнув палку, скинул змею с груди Натальи. Общий вздох облегчения разнёсся по лесу... А дальше война продолжалась и ничего хорошего в ней не было; грязь и кровь, бинты, стираные-перестираные, нечеловеческая усталость и короткие минуты отдыха

Не было бы счастья...

К счастью своему человек идёт медленными маленькими шажками, зато к погибели своей торопится, бежит, не считаясь с призывами разума и совести. Не помню, кто это сказал, но жизнь показывает, как это верно.

Валентине Серовиковой абсолютно не везло в этой жизни с самого дня своего рождения. Во-первых, мать не хотела рождения ребёнка и всячески старалась избавиться от плода; пила уксус, травилась какими-то травками, ничего не помогло, девочка появилась на свет. Была она непоседой и то из люльки ухитрится выпасть и вывихнуть в плече ручку, наставить себе синяков, а когда подросла, то обязательно чего-нибудь теряла, или на ровном месте, запнувшись, падала и расшибала себе носик.

Школьные науки давались ей с трудом и кое как осилив её нашла себе муженька, увы, опять неудачно. Оказался Степан горьким пьяницей, к тому же и бить стал молодую жену нещадно. Произвести ребёнка был не в состоянии, за то и обижал. Прошло так несколько лет, из красавицы школьницы Валя превратилась в маленькую старушку, вечно ходившую в тёмном платке, закрывавшем синяки на лице. А Степан продолжал бесноваться, тащил из дома вещи, продавал или менял на пойло и всё повторялось. Не раз и не два хотела Валентина покончить с собой, но всякий раз приходили некие высшие силы, останавливали её от безрассудства.

Под окном рос тополь. Частенько Валентина приходила к нему и плакала, выговаривая ему свою боль и печаль. Иногда ей даже казалось, что тополь обнимает её своими ветвями, лаская и жалея. Уходила она от него умиротворённая, спокойная и терпеливая. Однажды Степан, напившись, выгнал жену из дома зимней ночью, а затем и сам выскочил на улицу в исподнем, бегал по улице босиком по снегу и жутко матерился. Нашли его утром доярки, спешившие на ферму к утренней дойке коров, замёрзшим в сугробе. Осталась Валентина одна, ожила, поправилась. Подруги находили ей женихов, хоть на время, хоть постоянно, но на этот раз Валентина показала свой норов, наконец-то проснувшийся. Жених на порог, а она с ухватом в руках встречает, так и отвадила всех ухажёров.

А вот ребёночка очень хотела, скучно было одной вечера коротать. Только где ж его взять, это только мать Богородица с Божьей помощью сумела родить, а простой женщине это не под силу... Однако судьбой была уготована ей иная жизнь. Около дома был небольшой земельный участок, садила там Валентина картоху. И вот, посадив, присела под тополь отдохнуть, прислонилась спиной к стволу, угрелась на солнышке да и заснула. Проснулась оттого, что кто-то назвал её по имени. Встрепенулась, отгоняя остатки сна, оглянулась – никого... А голос снова раздался, совсем рядом, приятный, мужской голос:

– Родная моя Валечка, смотри на тебя и жалею. Не век же ты будешь вековухой, выходи за меня замуж. Буду верой и правдой служить тебе, никаких забот знать не будешь.-

– Да кто же ты, такой храбрый, покажись, взгляну хоть. Чего ж прячешься, коль свататься пришёл?

– Да Тополь я, стою за твоею спиной. И раньше ты ко мне плакаться и жалиться приходила, укрывал я тебя от чужих взглядов ветвями своими, жалеючи. Не мог я тебе открыться, молод был, не созрел ещё для полноценной жизни.

Тополиная ветка коснулась её щеки, ласково дотронулась до губ.

– Почему же ты раньше молчал, любимый мой? Думал, не пойму тебя? Я же тебя посадила здесь своими руками, лелеяла, поливала в жаркие дни прохладной водичкой... А как же мы жить-то будем, ты вон какой вымахал, настоящее дерево, я против тебя букашка теперь, простая деревенская баба...

– Об этом не беспокойся. Не хуже других жить будем. И детки будут, и внуки. Всё у нас впереди...

– Ну что ж, коли так, то я согласная, бери меня в жёны!

Сватовство состоялось, хотя сама Валентина и не верила во всё происходящее, слишком всё это походило на хороший счастливый сон, какие ей часто снились ещё при живом муже. Она вернулась домой, управилась с хозяйством. Прошла в комнату, улыбнулась невесело своему отражению в зеркале трюмо, погладила кота Мурлыку, снова ожидается одинокий вечер. Неожиданно раздался стук в дверь, Валя откинула задвижку. В дом вошёл мужчина, чёрноволосый, черноглазый, высокий, лицо приятное, улыбочное. Обнял Валентину, на руки поднял, зацеловал чуть ли не до беспамятства, еле-еле освободилась. А он смеётся:

– Ну здравствуй, жёнушка моя дорогая... – Опустился перед ней на колени, кепку сбросил: – Аль не признала? Да я это, Тополёк твой...

Валя кинулась к окну, выглянула в полусумрак двора – тополя на старом месте не было!

– Как же так?! Был деревом, стал человеком, возможно ли? Как звать-то тебя, муженёк мой?

– А вот какое твоё самое любимое имя, тем и назови...

– Костя, Константин...

– Вот и зови так.

На рассвете, когда измученная любовью и ласками, счастливая женщина спала сладким сном, её муж исчез, оставив на столе записку: Ухожу на свою тополиную работу. Вернусь к вечеру. Спи спокойно, любовь моя.

Проснувшись и выскочив во двор, Валя увидела свой тополь на старом месте. Подошла, погладила шершавый ствол, коснулась губами. Веточки Тополя обняли её ласково и нежно и слышала она голос, такой родной и знакомый:

– Не беспокойся ни о чём, всё будет прекрасно. Днями я буду на работе, а ночами принадлежу только тебе.

Хотела Валентина закончить посадку картофеля, да не тут-то было. Огород весь вспахан, картофель посажен, грядки разбиты и всякой мелочёвкой засажены. Хотела было водицы принести в бочки для поливки с речки, да глянула, а бочки полны. И дома бачок полон... Осталось только печь растопить, да обед сготовить. Снова подошла к Тополю:

– Костенька, что тебе приготовить на ужин?

– А сготовь-ка ты мне, любимая жёнушка, пирожков капустных да супчику понаваристей! А ещё сходи-ка ты в сарай, скотинку нашу покормить не забудь. Сенца я приготовил...

И хотя Валентина никакого скота отродясь не держала, всё же пошла в сарай, а там – чудо из чудес – коровка стельная ластится, овцы прыгают, поросёночек повизгивает. Сеновал сеном забит, ешь – не хочу! В мешках комбикорм стоит. Накормила всех, напоила, приготовила для мужа угощение, сидит у окна, на Тополь поглядывает, охота ей подсмотреть, как он из дерева превращается в человека... Окно раскрыто было.

На столе нетронутый обед. От Тополя протянулась в окно веточка, ласково дотронулась до щеки женщины и пока она оживала от неожиданной ласки, из её чашки исчез суп и пирожки тоже. Голос мужа раздался совсем рядом:

– Спасибо, милая за обед, очень вкусно.

С теми словами веточка дотронулась до губ женщины, ласково провела листочками по голове и утянулась в окно. Под вечер с большим нетерпением ждала Валя своего мужа и вот, наконец-то стукнула дверь и вошёл её ненаглядный, её суженый. Повисла любящая женщина на шее любимого, радуется, щебечет чего-то. Подруги тут набегали, на мужа её любят, радуются за неё. Повечеряли, разбежались, а молодые друг на друга насмотреться не могут. Так и пошло у них, днём Костя на работе тополиной, ночью любящий муж. Забеременела Валюша, муж радуется:

– Славный Тополёк будет!

Хитрый дед

В девяностых годах началась новая экономическая перестройка Советского строя на новый лад по принципу «Мы наш мы новый мир построим» и начали с разрушения всего старого, под видом, что оборудование устарело, хозяйство насквозь прогнило. Промышленность, лесное и сельское хозяйство – под корень рубили, аж щепки за рубеж летели. И какие щепки, позавидовать можно; лес, железо, природные ресурсы, цветные металлы, алмазы и золото, нефть и газ... Русские нивы, совсем недавно дававшие населению и государству зерно и овощи, ныне опустели, тысячи гектаров плодороднейших земель заросли бурьяном и мелкоколесьем. Опустело село, не слышно стало мычания коров, петушиного пения. Молодые в поисках работы и более счастливой жизни подались в города, остались в посёлках доживать свой век старики да старухи, зачастую никому не нужные.

Так вот, не вдаваясь в политику, скажу, что в посёлке Носырево жил на окраине села старик Никифор Бобышкин, могучий ещё дед, крепкий, как дубок, сибиряк, одним словом. И было у него в городе Тюмени двое сыновей, внуки имелись. Звали его к себе, да только дед хитрый был, знал, что в городе долго не проживёт, любимые сыновья быстренько в гроб загонят. Бывал он у них не раз, зимами ездил, приедет, поживёт денёк-другой да и домой к себе в деревню засобирается, не по нутру ему городская жизнь. Уходил тайком, дабы избежать ненужных разговоров, на автобусе и на попутках не ездил, предпочитал прогуляться пешочком, а это было около девяноста километров. И ничего, доходил! При виде своего домика даже песню запевал во всю лужёную глотку, а знал всего одну песню, про бродягу. Деревенские по этой песне его и узнавали, радовались его возвращению. Дом у него добротный, из кедра сработан, надворные постройки тоже на века поставлены. Зачем ему каменные городские хоромы? Лес рядом, речушка, грибы, ягоды... И для скота раздолье. После того, как колхоз развалили, все поля пустые стоят, трава по пояс, знай, коси. В посёлке магазин есть, что понадобится, купить можно. Пенсию сам на почте получал в своё время и даже на книжку откладывал. Много раз дедок женился, брал в жёны и молодых и старых, да только долго не заживались молодухи, на погост уходили. То ли виной темперамент дедка сказывался, то ли работа домашняя оказывалась непосильной, в его дела никто всерьёз не вникал. Сыновья и снохи, правда, всячески старались опозорить старика, много чего говорили про него, что де и скуп-то он, и умишком недалёк, но старик, да и односельчане сплетням всяким ходу не давали, понимали, что сынам дедово богатство нужно. А дед с хозяйством сам управлялся, и было оно не малым; пара коров, тёлка, бычок, овцы и козы, гуси и куры, с десяток клеток с кролами, около сотни пчелиных ульев. Шёл старику сто седьмой годочек, а он ещё и не думал поддаваться старости, даже надумал снова жениться, стал подбивать клинья к деревенской вдовушке Фросе, женщине тридцати лет отроду. Как и многие молодые люди, Фрося поспешила замуж за городского паренька, уезжала с ним в город, но через некоторое время вернулась вдовой в отчий дом, муж ездил с друзьями на озёра рыбачить да и утонул. Детей у неё не осталось, после смерти родителей жила одна. Согласилась она, перебралась к деду, брак тайно зарегистрировали и даже повенчались, сыновья о том не знали. Дедок к нотариусу съездил, завещание новое составил. И опять же, тайком всё, даже жене словом не обмолвился. Сыновья распустили слух, что старик мотовством занимается, пьёт горькую с деревенскими бабами, добро, нажитое годами, пропивает, видно, смертушку свою чувствует. Да только впустую всё, кто поверит, если старика никто никогда выпивши не видел. Под осень Фросю разыскал адвокат, оказалось, что во Франции у неё тётка родная проживала, родственница по отцу, по завещанию всё её движимое и недвижимое имущество после смерти переходило во владение племянницы, поскольку сама тётка была бездетной. Уехала Фрося во Францию, отпустил её дед одну. Узнав о том, что дед один остался, сыновья решили расправиться со стариком. Приехали поздно ночью, свою машину не доезжая

посёлка оставили, по задворкам пробрались к стариковскому дому. Надо сказать, что старик никого не боялся и даже двери не закрывал на запор. С сыновьями дед справиться не смог, были они такими же сильными, как он. Связали старика, унесли в лес... Обнаружили его городские охотники повесившимся на длинном суку ели по первой пороше. Милиция выезжала, всё свелось к тому, что старый сам покончил с собой, не хотелось им очередной висяк косячить, следов-то не осталось... В посёлке тоже судачили, что от тоски по Фросе дед с собой покончил. Сообща похоронили старика. Сыновья заявили, для виду плакали, снохи в три ручья заливались. Да только просчитались сыночки, ничего из богатства дедова им не досталось. Адвокат привёз с собой охрану для хозяйства, всё имущество было подсчитано и проверено по списку и сдано охранникам. Из зачитанного завещания следовало, что дом с постройками, живность переходит в ведение законной жены Ефросиньи, деньги по сберкнижке отходят Детскому дому города Тюмени, так как сам дедок вырос в Детском доме и родителей своих не знал. А Фрося вернулась домой через месяц после похорон, поплакала, поплакала, да и занялась хозяйством. От тётки ей тоже наследство приличное досталось, а вскоре и новый муж объявился, детки появились...

Расправа

В посёлке жили поживали две подруги, Таня и Настя. Дружили, что называется с детсадовского возраста. Бывало, что даже влюблялись в одного и того же парня, жребий бросали кому первой на свидание пойти. Но всё это как-то не серьёзно было, проходила влюблённость, а дружба оставалась. Тихо да мирно, никакого дележа, пока Таня не втрескалась по уши в Пашку из соседнего села.

Павлик тоже решил, что наконец-то нашёл своё счастье. Вскоре справили скромную свадьбу и стали жить поживать да добра наживать. Ещё перед свадьбой Таня предупредила Пашку, что убьёт его, если он заглядится на другую, но он говорил, что она для него является единственным светом в окошке и других ему не надо.

Настя, подруга, тоже вскоре вышла замуж, но свою подругу не забывала, частенько навещала и даже не скрывала своей симпатии к Пашке. Да только он на первых порах всецело занят был женой и пока не обращал внимания на других женщин. Татьяне пришло время рожать, Пашка сам отвёз её в роддом, но ждать не стал, торопясь на работу. Ребёночек родился мёртвым...

Таня долго залеживаться в больнице не стала, выписалась на второй день и на рейсовом автобусе отправилась домой. Без стука тихонько вошла в квартиру, так как дверь была не закрыта и наверняка Павел был дома. Нашла мужа в их общей спальне, но был он не один. На их семейной кровати любимый муж занимался самозабвенно любовью с лучшей подругой Настей. Та в кайфе вскрикивала и закатывала глазки, млея под чужим мужиком. Таня опешила, растерялась и некоторое время смотрела очумело на происходящее. Они не замечали её...

Всхлипнув, она затворила дверь спальни, прошла в кухню, на глаза попался топор... На какое-то мгновение Таня увидела расширенные, налитые страхом глаза подруги, но остановиться уже не могла. Взмах, другой... Сама позвонила в милицию. Присудили десять лет...

Ведьма

Около старого заброшенного кладбища в дремучем лесу у разорённого временем посёлка на полянке ежегодно собирались черти и ведьмы на свой шабаш, то есть праздник. Дело было перед Новым годом, но полянка была по летнему чиста от снега, зеленела травка, цвели цветы и деревья красовались так, как будто и не было вокруг зимних сугробов. Тепло стояло совершенно летнее! Старые знакомые делились новостями, молодые, попавшие впервые, ведьмочки жались по сторонам, пугливо озираясь, старались спрятаться позакустами, вздрагивая от резких выкриков старших ведьм. Маленькие шустрые чёртики разносили напитки и угощения... Веселье было в самом разгаре, когда из старого склепа некоего купца вылез старый седой Чёрт. Осмотрел полянку и гостей, улыбнулся щербатым ртом. К нему тотчас подскочили две голые ведьмочки-девицы, под руки подвели к центру поляны. Он остановился около большого пня, залпом выпил рюмку напитка, взглянул на наручные часы:

– Нравится вам здесь? Как же славно, что за много лет впервые все мы собрались без опозданий, благодарю вас... (Под оглушительные овации он снова выпил горячительного напитка, подмигнул старой седой ведьме). Сегодня нам предстоит приём новых членов нашего величайшего сообщества, ведьмочек и чёртиков.

Не многие удостоены этой великой чести, но те, что заслужили, заслужили это почётное звание по заслугам своим. Прошу избранных подойти ко мне. Со всех сторон большой поляны, пугливо озираясь, готовые улизнуть к старому Чёрту собирались прекрасные молодые ведьмочки и черти, становились в один ряд попарно. Все они прибыли сюда по некоему внутреннему призыву, кто по-старинке на метле, а кто и по-современному – на самолёте, такси, а некоторые даже в собственной машине. После традиционного обряда посвящения (я не буду вдаваться в подробности всего этого, поскольку ведьмочки могут не простить разглашения их тайны) и всеобщих поздравлений, каждой ведьмочке было вручено особое колечко, суть которого заключалась в том, что оно давало обладательнице силу колдовскую небывалую. Снимать его с пальчика нельзя было, так же и терять, вместе с колечком терялось и колдовство. Ведьма превращалась в обыкновенную женщину. Если же колечко терялось безвозвратно, то в наказание ведьму отправляли в мир иной для перевоспитания и переобучения, что для неё не сулило ничего хорошего.

Василий, после смерти матери, единственного, всёпонимающего и всёпрощающего существа на свете, запил по-чёрному. Пропил нажитое с матерью имущество и дом впридачу, оставшись под соседским забором без гроша в кармане, опомнился, но было уже поздно. Первое время старые друзья-собутельники зазывали к себе, угощали, но поскольку от Васи отдачи не было, то друзья мало-помалу отказывались от него. Вскоре остался он один одишёнок на всём белом свете, и некуда было ему податься, не к кому прислониться. Уходил он к матушке своей на могилку, плакался ей, да что толку... Бывшая сердобольная соседка, угощая его остатками борща, посоветовала ему жениться. Вот только беда, кто ж за такого пьяницу замуж-то пойдёт? По крайней мере в своём посёлке таких дурочек не находилось. Соседка обратилась к жителям села за помощью. На сходе порешили не давать Ваське спиртного, помыть в бане, приодеть. Пустили кепку по кругу, накидали денег, кто сколько смог. Хватило на отличный костюм с рубашкой, ботинками и галстуком. Отмыли Ваську в бане, побрили, постригли, приодели, жених получился на славу. Без выпивки вскоре Васька стал совсем нормальным мужиком, строго за этим наблюдали, днём и ночью сторожили. В своём посёлке невесты так и не нашли, все Ваську знали сызмала и никто не захотел связать свою судьбу с ним. Порешили сватать городскую. Вызвались два мужика сопровождать Василия в этом непростом деле, а попросту, стали сватами. Катаясь по городу в рейсовых автобусах

сваты, Мишка и Пашка, допытывали всех встречных девчат, показывая на Ваську, распаренного, словно из бани от городской духоты и жары:

– Нравится?

Те осматривали Василия, покрытое потом красное лицо, потемневшую от пота и пыли одежду, отвечали:

– Не-а.

Вконец отчаявшись, друзья сели в трамвай тринадцатого маршрута. Вагон был полупустым и Василий сам показал сватам на девицу, скромно сидевшую на заднем сиденье. Сваты отправились на разведку, а Василий принялся скалить зубы, пытаясь обратить девичье внимание на себя, без стеснения разглядывая её. Сваты вернулись быстро:

– Тебя зовёт... – Василий, было, стушевался, не ожидал от девушки приглашения, втайне надеясь, что останется холостяком, но, почувствовав на рёбрах крепкий кулак друга, поднялся и двинулся к девушке, встал перед нею.

– Ну что застыл, как истукан? Мне показалось, что ты не робкого десятка, слишком смело меня разглядывал... Садись-ка рядом, побеседуем, жених... – Вася сел рядом с нею, робко взглянул в глаза.

– Давай знакомиться будем, я – Зоя Веретушкина.

– А я Васька, Перелёткин, из деревни...

– Оно и видно, деревня... Ну да не о том речь, понравился ты мне, согласная я стать твоей женой. Зови своих друзей, ко мне поедem, отметить это дело надо.

Трамвай остановился на конечной. По другой стороне улицы тянулся старенький ветхий забор старого кладбища, на этой стороне редкие домишки прятались в тени деревьев и кустарника. Довольно быстро дошли до аккуратного домика, спрятанного в зелени яблоневого сада. На шум из домика выглянули старик со старухой, прикрывая глаза ладонями от яркого солнышка, разглядывали незваных гостей.

– Кого это ты привела, доченька?

– Жениха привела, со сватами.

– Ну, коли так, веди в дом, чего ж на улице толочься?

В домике было уютно, свежо и что-то очень напоминало Васе детские годы, что он даже прослезился, не в силах удерживать свои чувства. Невеста была ласкова и очень даже хороша собой, так что Василий особо и не сопротивлялся, когда она предложила ему остаться. Свадьбу назначили на выходной день и друзья пока что уехали в посёлок, доложить радостную весть. Ох и хорошо стало Василию! Окружённый заботой да лаской позабыл он и о своей прошлой непутёвой жизни. Иногда, проснувшись ночью, он видел как жена начинала меняться на глазах; волосы серели, изо рта выставлялись зелёные клыки, из ноздрей валил дым, пахнущий серой и ещё чем-то непонятным, глаза загорались холодным огнём, пальцы рук превращались в когтистые лапы, поросшие густой шерстью. Ведьма склонялась над Василием, глаза сверкали, лапы тянулись к его горлу, но стоило ему в испуге дёрнуться, как тотчас видение исчезало и снова перед ним была его милая, ласковая, любимая женщина. А уж как она любила его! Это никакими словами не передать... Были до неё у Васьки женщины, но такого полного счастья он ещё не испытывал. Во время свадьбы Васька был на высоте, пел, плясал, куражился под звонкий смех своей суженой. Пил много, но впервые хмель не брал его. У жены заметил на пальце руки золотое, очень странное колечко, с чёрным черепом вместо камешка. Ваське даже на какое-то мгновение показалось, что череп подмигнул ему своим пустым глазом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.